

рования расследования и заканчивая направлением уголовного дела в суд (его прекращения, приостановления и т. д.). Такие сотрудники будут нести персональную ответственность за совершаемые ими процессуальные действия в рамках расследуемого уголовного дела. Более того, каждому оперативному сотруднику будет определен круг работы, а, значит, следователю не придется каждые 10 дней давать поручения органу дознания.

Рассмотренные пробелы уголовно-процессуального закона, связанные с регламентацией взаимодействия следователя следственной группы и оперативно-розыскных подразделений, позволяют понять, что на практике могут возникать (и возникают) процессуальные и организационные трудности при производстве предварительного следствия следственной группой. Однако эффективность задач по борьбе с преступностью, решаемых следователем и органом дознания, всецело зависит от объединения процессуальных усилий следователя следственной группы и оперативно-розыскных возможностей сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

УДК 343.133

Ю.С. Климович

О НОВЫХ ИСТОЧНИКАХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ученые-процессуалисты и практикующие юристы за несколько десятилетий применения действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, наверное, уже успели привыкнуть к его частым трансформациям. Вместе с тем нельзя сказать, что в их основе всегда лежит прочная теоретическая основа как гарантия появления согласованного и непротиворечивого нормативного материала. Так, в 2020–2021 гг. ч. 2 ст. 88 УПК, регулирующая ключевое для отечественного доказательственного права понятие «источники доказательства», в несколько этапов была дополнена их новыми разновидностями. Самостоятельным источником доказательств названы звуко- и видеозапись показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, а вместо протоколов оперативно-розыскных мероприятий как источников доказательств в закон включены материалы оперативно-розыскной деятельности. Начнем с анализа последних.

В отечественных учебниках по уголовному процессу традиционно и по сей день красной нитью проходит утверждение о нетождественности уголовно-процессуального доказывания и оперативно-розыскного познания, что в полной мере соответствует известной нам структуре правоохранительных органов с их четким «разделением труда» на следственную и оперативно-розыскную функцию. С советских времен теоретически обоснована и формализована в законе концепция, что доказательства могут быть получены только в ходе уголовно-процессуальной деятельности, в том числе на ее досудебном этапе, и только способами, описанными в УПК. Именно поэтому прямая фиксация материалов оперативно-розыскной деятельности в качестве источников доказательств вызывает массу вопросов. Еще больше вопросов возникает, когда сравнивается это положение со ст. 101 УПК, где сказано, что материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, только «могут быть признаны в качестве источников доказательств» при соблюдении условий уголовно-процессуальной формы. Считаем невозможным игнорировать столь очевидное законодательное противоречие по одному из принципиальных вопросов доказательственного права.

Источники доказательств в отличие от следов преступления не появляются одновременно с фактом совершения преступления. Они носят «рукотворный», процессуальный характер, т. е. создаются исключительно уполномоченными на это государственными органами в ходе уголовного процесса и в предусмотренной им форме. Именно их наличие обеспечивает допустимость использования различных сведений в доказывании. Это своего рода упаковка сведений и данных о событии преступления, благодаря которой их можно использовать для принятия важнейших юрисдикционных решений. Включение в перечень источников доказательств материалов оперативно-розыскной деятельности стирает естественную для догматики отечественного уголовного процесса границу между уголовно-процессуальным и оперативно-розыскным доказыванием. Материалы оперативно-розыскной деятельности должны использоваться в доказывании только после обретения формы одного из известных источников доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, что предполагает их предварительную проверку и оценку процессуальным способом.

Включение звуко- и видеозаписи показаний в ч. 2 ст. 88 УПК формально возводит их в ранг самостоятельных источников доказательств, которые могут существовать без показаний, отраженных в протоколах следственных действий. Иначе какой смысл было дополнять закон? Ведь и прежде использование этих технических средств нормативно не запрещалось. Однако, очевидно, что это не так. Нельзя следователю записать ответы допрашиваемого на диктофон и непосредственно использовать их в доказывании, так как ст. 219 УПК «Применение звуко- и видеозаписи при допросе», как и ранее это было в законе, требует зафиксировать данные с помощью протокола, т. е. получить показания как источник доказательств. Таким образом, звуко- и видеозапись по сей день остается только средством подтверждения показаний, но не самостоятельным источником доказательств. Глубинная причина сохранения статус-кво в том, что прежде чем перейти к звуко- и видеозаписи как к самостоятельному средству доказывания, законодателю нужно будет отказаться от протокольно-письменной формы получения доказательств. Их параллельное существование в одном и том же процессуальном кодексе лишено всякого смысла. Однако это уже иная, несвойственная для отечественного уголовного процесса свободная модель доказывания, необходимость перехода к которой совсем неоднозначна.

Приведенные примеры реформирования УПК показывают, что им должна предшествовать теоретическая проработка, особенно, когда речь идет о ключевых моментах уголовно-процессуального права.